Воспоминаніе объ о. Протоіереѣ Н. Запольскомъ.

11 Мая сего года исполнился годъ открытія Якутскаго Комитета Православно-Миссіонерскаго Общества. Если когда, то сего дня преимущественно прилично вспомнить хотя нѣсколькими словами о жизни и дѣятельности одного изъ миссіонеровъ Якутской Области протоіереѣ Н. Н. *Запольскомъ*.

О. протоіерей былъ урожденецъ Рязанской губерніи— сынъ дьячка; онъ обучался сначала въ Сапожковскомъ

Д. Училищѣ, а потомъ въ Рязанской Семинаріи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1840 г. со степенью студента. Въ этомъ же году, по распоряженію духовнаго начальства, былъ посланъ на служеніе въ Иркутскую Епархію, гдѣ въ 1841 г. посвященъ Преосвященнымъ Ниломъ во священника къ Якутскому Троицкому Собору и опредѣленъ учителемъ въ Духовное Училище, а въ 1844 г.,—по открытіи походныхъ церквей, былъ перемѣщенъ, какъ способнѣйшій и надежнѣйшій, къ походной Николаевской церкви миссіонеромъ вмѣстѣ съ священникомъ Димитріемъ Хитровымъ, что нынѣ Преосвященный Якутскій Діонисій, и опредѣленъ благочиннымъ сельскихъ церквей, лежащихъ по сѣверо-восточной сторонѣ р. Лены. Кромѣ этого, онъ въ то же время былъ членомъ Якутскаго Д. Правленія; по опредѣленіи миссіонеромъ онъ отъ учительской должности былъ уволенъ, а послѣ,-по перемѣщеніи въ Якутскъ изъ Ситхи Ново-Архангельской Семинаріи,-и наставникомъ этой Семинаріи. Всѣ эти должности, онъ несъ до самой смерти съ отличною честностію, о чемъ свидѣтельствуютъ полученныя имъ награды, какъ то: санъ протоіерея, наперсный крестъ, орденъ Св. Анны 3 ст., и др.

Будучи миссіонеромъ, о. Никита почти каждый годъ предпринималъ самыя далекія и трудныя путешествія. Едва ли осталось какое нибудь пустынное мѣсто въ Якутской Области, куда бы онъ, по нѣсколько разъ, не проникалъ съ проповѣдію слова Божія. Начиная съ береговъ Ледовитаго моря до притоковъ Амура, всюду можно видѣть слѣды его миссіонерской дѣятельности. Немало и трудовъ перенесъ о. Никита. Путешествія свои онъ долженъ былъ совершать то верхомъ на лошадяхъ и оленяхъ, то въ нартахъ на собакахъ, и пѣшкомъ среди безлюдныхъ пустыней, гдѣ нѣтъ ни дорогъ ни слѣдовъ человѣческихъ жилищъ на разстояніи нѣ-

скольких сотъ, а иногда и тысячъ верстъ. Зимой переносилъ 40° морозы; по цѣлымъ недѣлямъ, а иногда и мѣсяцамъ ночевалъ подъ открытымъ небомъ на снѣгу; лѣтомъ терпѣлъ безпокойство отъ безчисленнаго множества насѣкомыхъ—комаровъ и мошекъ, особенно по Верхоянскому и Колымскому округамъ. Нѣсколько разъ подвергался онъ опасности—сбиться съ пути, погибнуть отъ недостатка пищи или-быть занесеннымъ снѣгомъ во время мятелей, особенно сильныхъ близь Ледовитаго моря. Такія путешествія о. Никиты продолжались не недѣлю, или мѣсяцъ, а почти всегда около года. Присоединимъ къ этому естественную заботу о женѣ и малолѣтнихъ дѣтяхъ, оставшихся дома, и мы поймемъ-сколько нужно было твердости душевной нести миссіонерскую должность безропотно почти двадцать лѣтъ. Кажется, можно сказать, что физическіе труды его были не менѣе трудовъ Апостольскихъ? Что же касается до внутренней стороны его миссіонерской дѣятельности, то и здѣсь не безъ меньшей смѣлости можно сказать, что проповѣдь его была не тща. Не говоримъ уже о томъ, что онъ присоединилъ къ православной Церкви нѣсколько сотъ язычниковъ; по его указанію, благочестивому настоянію и, подъ непосредственнымъ его руководствомъ, открыто нѣсколько приходовъ въ полярныхъ странахъ, сдѣлавшихъ ненужнымъ посѣщенія миссіонера, и многое др.

Такой трудолюбивый и благонамѣренный человѣкъ немогъ пройти незамѣченнымъ и въ нашемъ маленькомъ общественномъ Якутскомъ мнѣніи. Онъ пользовался всеобщею любовію и уваженіемъ. Объ уваженіи Якутскихъ гражданъ къ о. Никитѣ свидѣтельствуетъ слѣдующее обстоятельство. О. Никита оставилъ послѣ себя

значительное количество долговъ. Это зависѣло съ одной стороны отъ того, что онъ жилъ, такъ сказать, на два дома: самъ путешествовалъ, а семья его оставалась въ Якутскѣ; тамъ и здѣсь требовались расходы, а съ другой,-отъ его гостепріимства, онъ считалъ какъ бы грѣхомъ отпустить человѣка, завернувшаго къ нему безъ угощенія чаемъ, будь это даже дьячекъ его благочинія. Но лишь только слухъ о смерти о. Никиты распространился по городу, почти всѣ главные кредиторы его явились къ вдовѣ о. Никиты и, въ присутствіи ея, уничтожили свои долговые документы, данные покойникомъ. Этого мало. Его ласковость, гостепріимство и нестяжательность пріобрѣли популярность въ г. Якутскѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кто бы ни былъ: знатный и незнатный, бѣдный и богатый, всѣ они шли къ нему за защитою, никого ни когда не оставлялъ онъ ею. Въ его обращеніи съ подчиненными трудно было замѣтить даже тѣнь начальническаго тона. Приходилъ-ли къ нему священникъ или дьячекъ его благочинія, всѣхъ онъ принималъ съ одинаковою любовію, ни одинъ не уходилъ отъ него безъ приличнаго и посильнаго угощенія, а болѣе—и не утѣшенный въ случаѣ какой либо домашней бѣды. Когда же о. Никита находилъ неисправности въ жизни священно-служителей или въ чемъ нибудь другомъ, то вмѣсто того, чтобы дать строгій выговоръ виновнымъ, или донести начальству,—начиналъ лишь убѣдительно просить ихъ исправиться, и этотъ способъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ, потому что послѣ домашнихъ увѣщаній, у виновныхъ проявлялась рѣшимость-исправить свое неодобрительное поведеніе, По принятіи должности

благочиннаго, о. Никита, по своему мирному характеру, въ особенности старался искоренить въ сельскомъ духовенствѣ разнаго рода ссоры, происходящія между самимъ духовенствомъ и прихожанами ихъ; съ кротостію и справедливостію разбиралъ онъ ихъ жалобы. Вообще о. Никита старался со всѣми обходиться ласково; по этому ни кто изъ знающихъ его не пожалуется, чтобы онъ когда нибудь и кого нибудь оскорбилъ словомъ.

Въ домашнемъ быту, о. Никита былъ, что называется, хлѣбосолъ, простъ въ обхожденіи, и почти всегда,— гдѣ разговоръ не касался служебныхъ обязанностей,— весельчакъ и шютникъ. Вотъ его день: по утрамъ ходилъ на занимаемыя имъ должности въ Семинарію и Д. Правленіе; послѣ обѣда занимался въ кабинетѣ дѣлами; по вечерамъ всегда читалъ книги и журналы духовной литературы; когда же приходили гости, которые бывали у него довольно часто, хотя онъ самъ и не любилъ ходить по гостямъ,-то о. Никита первымъ долгомъ разсказывалъ или прочитывалъ имъ нѣсколько интересныхъ статеекъ изъ популярныхъ духовныхъ журналовъ. По отношенію къ религіозно-нравственной жизни, онъ велъ себя очень строго: ни одна пятница и среда не проходили безъ поста; ни одинъ, даже малый, праздникъ, не проходилъ, чтобы не сходилъ онъ въ церковь; этого мало: онъ велъ за собою въ храмъ Божій и все свое семейство; дѣтей своихъ, съ особенною ревностію, старался воспитывать въ страхѣ Божіемъ и повиновеніи старшимъ; не зная, какъ говорится, азовъ, дѣти по утрамъ и вечерамъ, стоя на колѣняхъ предъ иконами, въ присутствіи отца читали наизустъ нѣсколько молитвъ.

Теперь скажу кое что о послѣднихъ дняхъ земнаго поприща о. Никиты. О. Никита началъ чувствовать разные болѣзненные припадки послѣ поѣздки своей на Амуръ въ 1862 году. Эту поѣздку онъ совершилъ по порученію Высокопреосвященнѣйшаго Иннокентія, для того, чтобы узнать, какихъ изъ тунгусовъ, обитающихъ между Амуромъ и Якутскою Областію, причислить къ Амурской миссіи, и какихъ оставить попрежнему въ заведываніи Якутскихъ миссіонеровъ. Эта поѣздка его продолжалась болѣе полгода; изъ Якутска онъ выѣхалъ на оленяхъ и путешествовалъ на нихъ, вплоть до Албазина по такимъ мѣстамъ, гдѣ раньше ступала нога только одного тунгуса, именно: по рѣкѣ Алдану и отрогамъ Яблоноваго хребта. Дѣло было зимою; приходилось терпѣть много невзгодъ и здоровье о. Никиты, надорванное прежними путешествіями, не выдержало; онъ возвратился въ Якутскъ съ признаками тяжкой болѣзни (страданіе печени), которая вскорѣ и свела его въ могилу. Онъ, какъ бы предчувствуя кончину дней своихъ, постоянно приготовлялъ свое семейство къ новой жизни, наставляя ихъ—какъ жить имъ послѣ его. Не смотря на убѣжденія домашнихъ, о. Никита во время ярморки не купилъ для себя даже и необходимыхъ сапоговъ; когда жена купила ему матерію на рясу и хотѣла шить, то покойный сказалъ: „для чего ты хочешь шить мнѣ рясу? Не нужно мнѣ ничего; матерія вамъ же годится послѣ.“ Подобныя слова приводили домашнихъ въ недоумѣніе. Когда пріѣхалъ къ о. Никитѣ духовникъ (какъ разсказывалъ послѣдній), чтобъ исповѣдать его, то онъ, посадивъ духовника около себя, между прочимъ сказалъ: „отецъ духовный!

я желаю принесть предъ Господомъ покаяніе во грѣхахъ своихъ. Ахъ, отецъ! Не много, не много остается дней моей жизни на семъ свѣтѣ, по этому я спѣшу исповѣдаться и пріобщиться Св. Таинъ. Не хочу преждевременно опечалить семейство, а то распорядился бы во всемъ. Да будетъ воля Божія! Не говорите объ этомъ домашнимъ моимъ до кончины моей.“ Горькія слезы съ глубокими вздохами заключили его слова. Въ послѣдній день своей жизни, онъ рано утромъ, пока спали еще домашніе, обошелъ всѣ комнаты и предъ каждою иконою изливалъ теплыя молитвы, поручая Св. Угодникамъ свое семейство. Никто не думалъ изъ домашнихъ о. Никиты, что въ предстоящую ночь они лишатся главы семейства. Да, рано было думать объ этомъ: по видимому не наступилъ еще вечеръ дней его. На 23 Августа 1863 г. въ 2 часа ночи не стало о. Никиты. онъ умеръ на 46 г. жизни. Св. Таинъ покойный сподобился принять 14 Августа въ церкви, а таинство елеосвященія было совершено въ день смерти. Погребеніе происходило 25 Августа въ Якутскомъ Спасскомъ монастырѣ. Литургію въ этотъ день совершалъ Преосвященный Павелъ, Епископъ Якутскій (*), съ 6-ю священнослужителями, а отпѣтіе—со всѣмъ Якутскимъ городскимъ и отчасти сельскимъ духовенствомъ. Тѣже лица участвовали и при выносѣ тѣла усопшаго изъ дома. За Литургіей было произнесено слово инспекторомъ Семинаріи о. Афанасіемъ Виноградовымъ, а при отпѣтіи—рѣчь воспитанникомъ Семинаріи. При погребеніи о. Никиты участвовалъ почти весь Якутскъ, всякій со слезами спѣшилъ въ послѣдній разъ облобызать отца и благодѣтеля своего. Сельское духовенство до сихъ поръ не можетъ вспомнить о. Никиту безъ уваженія за его доброту и простоту.

Чиновникъ Александръ Трифоновъ.

11 Мая 1871 г.
г. Якутскъ.

(*) Нынѣ Красноярскій и Енисейскій. Ред.